

«Хромающие» отношения в международном семейном праве

Е. П. Войтович

Сибирский институт управления — филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы,
Российская Федерация, 630102, Новосибирск, ул. Нижегородская, 6

Для цитирования: Войтович, Елена П. 2023. «Хромающие» отношения в международном семейном праве». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 1: 211–226.
<https://doi.org/10.21638/spbu14.2023.113>

В статье рассматривается правовое явление, не получившее обобщенной юридической характеристики, исследования которого в международном семейном праве носят фрагментарный характер. Анализируются причины возникновения «хромающих» отношений: различия коллизионного регулирования, неправильное применение коллизионных норм, несовпадение материально-правовых предписаний, коллизия юрисдикций; делается вывод, что «хромающие» отношения являются результатом взаимодействия коллизионных, материально-правовых и процессуальных норм, приводящим к нежелательному правовому эффекту. Автор высказывает сомнения в эффективности такого способа устранения «хромающих» отношений, как сближение правовых систем, предлагая обратить внимание на конкурирующий традиционному коллизионному инструментарию и противоположный методологический подход — признание, потенциал которого недооценен и недостаточно исследован. Признание рассматривается не в качестве альтернативы коллизионному методу, а как дополнительный способ преодоления «хромающих» отношений. Замещение национальных коллизионных предписаний в трансграничных семейных спорах иллюстрируется практикой Европейского суда по правам человека и Суда справедливости Европейского союза. Обращается внимание на существующие модели признания в странах общего права и континентальной правовой традиции, анализируется правовая природа и место норм российского семейного законодательства о признании, дается оценка механизму признания иностранных административных процедур и решений, иностранных документов в Российской Федерации. Автор приходит к выводу о реализации в отечественном праве различных подходов к признанию иностранных судебных решений, административных процедур и документов, выданных компетентными органами иностранных государств, предлагая их унифицировать в рамках единообразной процедуры признания, исключающей неопределенность и внутренние противоречия.

Ключевые слова: коллизионное регулирование, коллизионные нормы, унификация, признание, легализация, статус, международное частное право.

1. Введение

Коллизионное право прошлых столетий оставило ряд нерешенных проблем, которые имеют статус научных для международного частного права. Особняком в их ряду стоят «хромающие» отношения, заставляющие вспомнить нелестное

сравнение коллизионного права с «унылым болотом, наполненным топкой трясинной и населенным образованными, но эксцентричными профессорами, которые теоретизируют о таинственных вопросах на странном и непонятном жаргоне» (Prosser 1953, 971). В отечественной и зарубежной науке международного частного права отсутствует единство во взглядах на причины возникновения этого явления и способы его преодоления.

Поскольку в условиях коренных социальных преобразований ощущается явная потребность в ревизии существующих коллизионных решений, современная научная мысль переосмысливает доктринальные концепции, предлагая рассматривать известные правовые явления с самых различных позиций, проводить их анализ с использованием новых методологических подходов. Эта тенденция коснулась и «хромяющих» отношений, констатация существования которых стала сопровождаться предложениями об их устранении. Сегодня научный вектор постепенно смещается от унификации в сторону признания, в основе которого лежит обязательство государства признавать те или иные иностранные правовые явления. Практика Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) и Суда справедливости Европейского союза (Суда ЕС), апробировав предлагаемый правовой инструментарий, продемонстрировала отдельные примеры устранения «хромяющих» отношений посредством признания. Оценить потенциал данного метода предлагается в настоящей статье.

2. Основное исследование

2.1. О понятии, причинах возникновения и способах преодоления «хромяющих» отношений

В науке международного частного права проблематика «хромяющих» отношений комплексно не исследовалась, хотя ее отдельные аспекты затрагивались в работах отечественных и зарубежных авторов (Асосков 2017, 51; Лунц 2002, 244–246; Марышева 2007, 4, 114; Bornheim 2013, 84; Lehmann 2008, 137–138; Melcher 2013, 150–158; Schuz 1994, 104–105, 120). «Хромяющие» отношения чаще всего выступают *obiter dicta* более общих проблем коллизионного права, рассматриваются в качестве отрицательного побочного продукта национальных различий в праве, являются юридической антитезой. Палитра доктринальных суждений относительно понятия, причин возникновения и способов преодоления «хромяющих» отношений весьма разнообразна.

Под «хромяющими» в литературе предлагается понимать «отношения, которые получают правовую защиту в одной стране и лишены ее в другой стране» (Лунц 2002, 244); «ситуации, когда тот или иной правовой статус (например, статус состояния в родстве с определенным лицом вследствие установления отцовства или усыновления) или юридический акт (сделка, заключение брака или развод) признаются в качестве существующего или действительного в одной стране, но не считаются таковыми в другой стране вследствие того, что суд такой другой страны в соответствии с собственными коллизионными нормами применяет отличное от первого материальное право, в рамках которого данный юридический акт не имеет юридической силы, а соответствующий правовой статус не считается установленным» (Асосков 2017, 51).

Квалифицируя «хромающие» отношения в качестве негативного явления и сложнейшей проблемы современного международного частного права, исследователи отмечают, что они чаще всего возникают в семейном или наследственном праве. В то же время эти отношения нередко встречаются в вещном, деликтном праве, праве интеллектуальной собственности.

Причина возникновения данного явления юридической наукой однозначно не определена. По мнению ряда авторов, «хромающие» отношения — следствие различного коллизионного регулирования (Лунц 2002, 244; Тихиня 2014, 63; Cohn 1969, 577). Национальные отличия коллизионного права, несомненно, способны дезорганизовать юридические связи участников трансграничных отношений, и хрестоматийное дело Форго подтверждает данное обстоятельство (Schreiber 1918, 523). Однако за последнее столетие международное частное право значительно продвинулось в решении коллизионного вопроса, предложив более гибкое коллизионное регулирование, алгоритм квалификации юридических понятий, нормативные способы устранения обратной отсылки. Тем не менее обновление правового инструментария, используемого для решения коллизионных проблем, не привело к устранению «хромающих» отношений.

В литературе также высказывается мнение о неправильном применении коллизионных норм как причине возникновения «хромающих» отношений (Малкин 2009, 10). Полагаем, что указанное обстоятельство является скорее основанием для отмены состоявшегося судебного решения, нежели причиной возникновения «хромающих» отношений. В российской судебной практике такие примеры есть¹. Напротив, правильное применение коллизионных норм не исключает появления «хромающих» отношений и способно привести к результату, несовместимому с правом форума².

Некоторые авторы видят причину возникновения «хромающих» отношений в материально-правовом регулировании (Анцух 2015, 10; Веселкова 2014, 67). Нельзя не согласиться, что существенные отличия в заключении и расторжении брака, регулировании отношений между членами семьи, устройстве несовершеннолетних, оставшихся без родительского попечения, наследовании, а также связь отношения с несколькими правопорядками создают конкуренцию последних. Однако материальные нормы сами по себе не способны порождать «хромающие» отношения. Они «безобидны» ровно до тех пор, пока при разрешении правового вопроса не сталкиваются несколько правопорядков, что является поводом для постановки коллизионного вопроса, разрешение которого производится на основе норм международного частного права. В таком случае совокупное применение коллизионных и материально-правовых предписаний *lex fori* способно привести к «хромающим» отношениям и, следовательно, непризнанию религиозного брака или развода, совершенных за границей, родительства лица, прибегнувшего к сур-

¹ Определение Верховного Суда РФ от 21.01.2014 № 78-КГ13-35; Апелляционное определение Московского городского суда от 18.03.2015 по делу № 33-8548/2015. Здесь и далее все ссылки на российские и международные нормативно-правовые документы и судебную практику, если не указано иное, приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 5 декабря, 2020. <http://www.consultant.ru>.

² Court of Justice of the European Union. Stefan Grunkin, Dorothee Regina Paul to Articles 12 EC and 18 EC. Judgment of the Court No. C-353/06 of 14 October 2008. Дата обращения 20 июня, 2020. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:62006CJ0353&from=EN>.

рогатным методикам за пределами государства гражданства, права наследования обязательной доли и т. д.

Возникновение «хромающих» отношений также связывают с наличием не исключających друг друга положений о подсудности в праве различных государств (Толстых 2002, 115). Однако возможность поиска форума сегодня позволяет «выбрать суд такого государства (и первым подать туда иск), который на основе своей системы коллизионных норм придет к выводу о применении наиболее выгодно для данной стороны материального права, что в конечном итоге будет означать наиболее предпочтительный для этой стороны материальный результат разрешения спора» (Асосков 2017, 51).

Попытка установить причину возникновения «хромающих» отношений приводит к выводу о том, что связывать появление «хромающих» отношений только с различиями в коллизионном или материально-правовом регулировании, с коллизией юрисдикций неправильно. «Хромающие» отношения — результат взаимодействия коллизионных, материально-правовых и процессуальных норм, приводящий к весьма нежелательному правовому эффекту³.

Устранение «хромающих» отношений — одна из приоритетных задач международного частного права. В литературе предлагается несколько способов ее решения: унификация коллизионных и материальных норм, ориентация процессуальных норм о подсудности на один основной критерий, договорное закрепление юрисдикционного органа либо выбор материального права (Толстых 2002, 115), признание (Mankowski 2020, 323). Однако большинство решений осталось на уровне предположений и не получило заметного развития. Оставив унификацию и признание для дальнейшего анализа, заметим, что выбор единого критерия подсудности и компетентного органа хотя и возможен, но требует значительных усилий со стороны как отдельных государств, так и их групп, а его эффективность нуждается в проверке. Выбор же компетентного права позволяет устранить «хромающие» отношения *ad hoc*, что не исключает их существования за пределами выбранной юрисдикции или применимого права.

2.2. Унификация vs признание

Коллизионисты XIX и XX столетий, стремясь к согласованию сферы действия национальных и иностранных законов, придавали огромное значение сближению правового регулирования, которое представляет собой «многогранное правовое явление, проявляющееся в двух взаимосвязанных, но различающихся по своей природе процессах: унификации и гармонизации права и, соответственно, в двух видах сближения права» (Дмитриева 2016, 13).

Положительный эффект такого сближения, помимо прочего, виделся и в устранении отношений, получающих правовую защиту и признание в одном государстве и лишенных их в другом. «Твердая тенденция унификации коллизионного права при сохранении особенностей в сфере материального права, — писал Л. А. Лунц, — сводит на нет возможность возникновения хромающих отношений» (Лунц 2002, 246).

³ Яркий пример такого взаимодействия — дело «Лошонци Розе и Розе (Losonci Rose and Rose) против Швейцарии» (жалоба № 664/06).

Однако несомненный успех унификации как средства устранения «хромоющих» отношений (Лунц 2002, 245; Lehmann 2011, 151–153) в последнее время все чаще стал ставиться под сомнение (Дмитриева 2016, 14, 21). «Было бы нереалистично ожидать, — замечает М. Леманн, — что государства унифицируют свои коллизионные правила в ближайшем будущем. Более того, гармонизация международного частного права не гарантирует... корректного применения иностранного права. Нет уверенности, что правоприменители вообще будут его применять, поскольку зачастую они ему не следуют. Единственным обнадеживающим способом решения проблемы “хромоющих” отношений является признание» (Lehmann 2008, 158). Таким образом, поиск правовых способов борьбы с рассматриваемым феноменом обратил внимание юридического сообщества на механизмы признания.

Развитие идеи признания, суть которого заключается в том, что личным отношениям, возникшим в соответствии с иностранным правом (и в соответствии с потенциально другим пониманием их значения и содержания), должно быть предоставлено место (в обществе и в соответствии с правом форума) как таковым с учетом их специфики и исходных характеристик в европейском международном частном праве, является заслугой П. Лагарда (Muir Watt 2013, 413). Именно он «привлек внимание к проблеме соотношения коллизионного метода и метода взаимного признания при создании общеевропейских норм международного частного права... Методу признания, по его мнению, может быть отведено важное, хотя и не исключительное место» (Звеков 2007, 29).

Интерес к признанию в праве Европейского союза возрастает, что обусловлено несколькими причинами: потребностью в свободном обороте судебных решений, действием доктрины *forum non conveniens*, изменениями в нормативном составе международного частного права, неопределенностью коллизионных правил и др. (Schuz 1994, 58–61).

В настоящее время признание в международном частном праве предлагается воспринимать как конкурирующий с унификацией и противоположный ей методологический подход к индивидуальным трансграничным отношениям, для которых традиционные инструменты конфликтного права должны уступить место правам человека и их инструментарию (Muir Watt 2013, 416).

Забота о правовой определенности через парадигму признания и прав человека стала характерной чертой международного частного права последних десятилетий. Так, в деле Вагнер ЕСПЧ наложил пространственную непрерывность отношений между родителями и детьми на право на уважение семейной жизни⁴. В консультативном заключении по запросу Кассационного суда Франции ЕСПЧ развил позицию по делу супругов Маннессон, указав в § 46 следующее: «Общий и безусловный запрет на такое признание (признание правовой связи между ребенком, родившимся в результате суррогатного материнства, и предполагаемой матерью. — *Е. В.*) выходит за узкие пределы усмотрения государства и несовместим с наилучшим обеспечением интересов ребенка, который находится в состоянии правовой неопределенности»⁵.

⁴ “Wagner and J.M.W.L. to Articles 8 EC and 14 EC. Judgement of 28 September 2007”. *Court of Justice of the European Union*. Дата обращения 3 апреля, 2021. [https://hudoc.echr.coe.int/fre#%22itemid%22:\[%22001-81328%22\]](https://hudoc.echr.coe.int/fre#%22itemid%22:[%22001-81328%22]).

⁵ “Advisory opinion of 10 April 2019”. *European Court of Human Rights*. Дата обращения 5 апреля, 2021. [https://hudoc.echr.coe.int/spa#%22itemid%22:\[%22003-6380464-8364383%22\]](https://hudoc.echr.coe.int/spa#%22itemid%22:[%22003-6380464-8364383%22]).

Суд ЕС возобновил дискуссию о предпочтительном способе решения проблемы «хромающих» отношений в деле Гарсия Авелло⁶, а в деле Грункина — Пол отметил, что ст. 18 Европейской конвенции запрещает отказывать в признании фамилии ребенка, которая присвоена ему при рождении на территории второго государства-члена⁷. Эти решения привели к пересмотру традиционных инструментов международного частного права, в них отчетливо проявилась тенденция признания, которое в отсутствие унифицированных правил способно устранить «хромающие» отношения, в то время как существующие коллизионные механизмы этого сделать не могут.

Тренд на признание демонстрируют и международные договоры. Например, в Конвенции Международной комиссии по гражданскому состоянию (International Commission on Civil Status, ICCS) о признании фамилий 2005 г. не содержится коллизионных предписаний об определении применимого права, а государства-участники обязаны признавать соответствующие решения⁸.

Очевидно, что признание как один из способов решения проблемы «хромающих» семейных отношений обладает неоспоримым преимуществом — обеспечивает пространственную непрерывность семейных связей (de la Rosa 2015, 5), неизменность и стабильность семейно-правового статуса, идентичность личности, что в конечном счете служит цели достижения правовой определенности.

2.3. Признание vs коллизионный метод

В современном международном частном праве традиционно выделяются два метода правового регулирования: коллизионный и материально-правовой. Практика Суда ЕС и ЕСПЧ продемонстрировала отдельные примеры замещения предписаний национальных коллизионных норм, допустив вытеснение коллизионного метода признанием. Подобный сдвиг привел к постановке методологического вопроса: каково соотношение признания и коллизионного метода, способно ли одно заменить другое?

На первый взгляд, вполне убедителен довод о том, что признание и коллизионный метод представляют собой разные области международного частного права. Подтверждением данному тезису служит высказывание П. Майера: «Метод коллизионного права, который означает определение применимого права посредством связующего фактора, актуален каждый раз, когда рассматриваемый в суде вопрос регулируется конфликтными нормами... Метод признания выглядит более либеральным, поскольку не обуславливает юридические последствия иностранного судебного решения соответствием или согласованностью с коллизионными нормами форума» (Muir Watt 2013, 420).

⁶ “Carlos Garcia Avello to Articles 17 EC and 18 EC. Judgement No. C-148/02 of 2 October 2003”. *Court of Justice of the European Union*. Дата обращения 20 июня, 2020. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:62002CJ0148&from=EN>.

⁷ “Stefan Grunkin, Dorothee Regina Paul to Articles 12 EC and 18 EC. Judgment of the Court No. C-353/06 of 14 October 2008”. *Court of Justice of the European Union*. Дата обращения 20 июня, 2020. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:62006CJ0353&from=EN>.

⁸ Convention (n°31) sur la reconnaissance des noms signée à Antalya le 16 septembre 2005. Дата обращения 18 июля, 2020. <https://www.ciecl.org/convention-31-presentation-fr>.

В международном частном праве признание относится к области международного гражданского процесса, а коллизионный метод — традиционный инструмент конфликтного права. Первое служит цели преодоления территориального эффекта актов иностранной юрисдикции, второй используется для определения правопорядка, который наиболее тесно связан с правоотношением.

Признание по своей природе и институциональным притязаниям подразумевает запрет *révision au fond* (*фр.* пересмотра по существу) (Mankowski 2020, 326–327). Коллизионный же метод не имеет подобных ограничений, что позволяет оценивать отношения, возникшие в соответствии с иностранным правом, на предмет соответствия *lex fori*.

Взвешивая перспективы вытеснения коллизионного метода признанием, М. Леманн замечает: «Хотя коллизионные правила благодаря прецедентной практике Суда ЕС скорее всего утратят былое значение, говорить об этом преждевременно... Вытеснение конфликтных норм возможно лишь в тех редких случаях, которые ведут к «хромяющим» отношениям» (Lehmann 2008, 159). На провокационный вопрос «признание или коллизионный метод?» П. Манковски предлагает отвечать дифференцированно: «Да, но постольку, поскольку возможно признание. Нет, в базовом подходе признание дополняет коллизионное право» (Mankowski 2020, 328).

Доктрине и практике международного частного права известны случаи замещения коллизионного метода методом прямого действия для разрешения правового вопроса. Этой же цели служит и признание. Единство цели позволяет не противопоставлять признание коллизионному методу, а, напротив, дополнительно использовать его для разрешения коллизионной проблемы. Такой подход «в большей степени отражает современные реалии, чем представления о том, что правила о признании по своей сути имеют большую ценность или вес, чем коллизионные» (Schuz 1994, 60). Признание не является альтернативой коллизионному методу, а его потенциал видится в устранении «хромяющих» отношений в тех случаях, когда разрешение спора с помощью коллизионного инструментария не обеспечивает стабильность и неизменность семейно-правового статуса лица.

Подобное решение проблемы «хромяющих» отношений возможно, но не безусловно. Во-первых, опасения вызывает дискреция, которая, как отмечает А. А. Костин, анализируя результаты разрешения трансграничных споров ЕСПЧ, позволяет признать любой запрет, установленный национальным правом (или иностранным правом, применимым в силу предписания национальных коллизионных норм), не соответствующим п. 1 ст. 8 Конвенции по правам человека при условии, если ЕСПЧ сочтет, что данным запретом не обеспечивается баланс интересов частного лица и общества в целом (Костин 2018, 212). Во-вторых, нуждаются в отдельной проработке вопросы признания семейно-правовых статусов, которые противоречат публичному порядку, нарушают основополагающие ценности и принципы конкретного государства⁹. В-третьих, трудно преодолеть потенциальное недоверие к юридическим фактам, имевшим место за границей, независимо от того, удостоверены ли они соответствующими документами иностранных компетентных органов.

---

⁹ “Relu Adrian Coman, Robert Clabourn Hamilton, Asociația Accept to Articles 7 EC and 21 EC. Judgement No. C-673/16 of 5 June 2018”. *Court of Justice of the European Union*. Дата обращения 22 мая, 2021. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62016CJ0673>.

2.4. Признание решений иностранных административных органов и признание иностранных документов

Идея признания, предложенная У.Губером, была разработана в противовес теории статутов, основанной на строго территориальном подходе, и имела целью придание правового эффекта обстоятельствам, имевшим место в иностранной юрисдикции. Подхваченная Дж. Стори, а впоследствии Дж. Биллем и А. Пилле, она оказала серьезное влияние на практику американских судов и французскую доктрину, но осталась практически не замеченной коллизионным правом континентальной Европы (Basedow et al. 2017, 1497).

В международном частном праве признание, как отмечено выше, относится к области международного гражданского процесса, где наиболее разработано признание иностранных судебных решений.

В странах общего права решения иностранных судов о положении и правоспособности лиц, которые не обязательно принимаются к исполнению, подвергаются контролю а *posteriori*, состоящему в том, чтобы удостовериться в компетенции иностранного органа и правомерности процедуры, а также компетенции закона, применяемого по существу, в соответствии с коллизионными нормами принимающего государства и, наконец, государственной политики¹⁰. В странах континентальной правовой традиции *révision au fond* преимущественно отрицается, хотя степень проверки содержания иностранных решений зависит от концепта публичного порядка (Basedow et al. 2017, 1496).

Однако объектами признания могут являться не только судебные акты, но и решения иностранных административных органов, административные процедуры и иностранные документы. В то время как вопросам признания решений иностранных судов уделяется достаточно внимания, признание иностранных административных актов, процедур и иностранных документов не только оказалось на периферии отечественной науки, но и обделено вниманием законодателя, несмотря на то что потребность в придании им юридической силы действительно существует. «Она особенно ощутима в международном семейном праве, где статус лица, начиная с имени и заканчивая родством, определяется административными органами» (Lehmann 2020, 26).

Признание административных актов иностранных компетентных органов служит цели преодоления территориального эффекта, что сближает их с иностранными судебными решениями и позволяет проводить анализ с учетом существующих правовых механизмов.

2.4.1. Признание решений иностранных административных органов в Российской Федерации

В Российской Федерации вопросам признания иностранных административных и судебных процедур и их результатов, наряду с Гражданским процессуальным кодексом (ГПК) РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ и Арбитражным процессуальным кодексом (АПК) РФ от 24.07.2002 № 95-ФЗ, посвящены отдельные положения Семей-

¹⁰ Постановление ЕСПЧ от 28.06.2007 по делу «Вагнер (Wagner) и J. M. W. L против Люксембурга» (жалоба № 76240/01).

ного кодекса (СК) РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ. Однако в отличие от подробных правил, установленных процессуальным законодательством для признания иностранных судебных решений, положения о признании, закрепленные в разд. VII СК РФ, касаются лишь признания браков (ст. 157, 158), разводов (ст. 160), усыновления (удочерения) (ст. 165)¹¹. Означает ли это, что нормы семейного законодательства представляют собой самостоятельную группу норм, закрепляющих особый механизм признания иностранных административных процедур, отличный от механизма признания и приведения в исполнение решений иностранных судов?

Для ответа на этот вопрос обратимся к правовой природе вышеуказанных положений. В литературе высказаны два противоположных суждения на этот счет: первое объявляет правила о выборе права и о признании двумя типами коллизионных норм (Schuz 1994, 4), второе исходит из процессуального характера норм о признании (Марышева 2007, 287).

Поддерживая мнение о процессуальной природе таких положений, отметим, что их расположение в разделе, содержащем коллизионные предписания, видится некорректным по следующим причинам.

Во-первых, процессуальное законодательство РФ устанавливает закрытый перечень оснований, по которым в признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений может быть отказано (п. 1–5 ч. 1 ст. 412 ГПК РФ). Запрет *révision au fond* делает потенциально невозможным контроль правоприменения.

Признание же иностранных брака, развода, усыновления с позиции СК РФ не только находится в зависимости от соблюдения нормативных условий признания, но и требует ревизии применения различных по своей природе и национальности предписаний. Так, условием признания консульских браков иностранных граждан является взаимность; условием признания браков, заключенных гражданами РФ за ее пределами, — соблюдение законодательства государства — места заключения брака, а также отсутствие препятствий, предусмотренных ст. 14 СК РФ; условием признания браков иностранцев, совершенных за границей, выступает соблюдение законодательства государства, на территории которого они заключены. Расторжение брака, если оно имело место за пределами РФ, признается при условии, что соблюдено законодательство соответствующего иностранного государства о компетенции органов, принимавших решения о расторжении брака, а также законодательство, подлежащее применению при расторжении брака. Условием признания иностранного усыновления в России ребенка — гражданина РФ, проживающего за границей, является получение предварительного разрешения на усыновление (удочерение) от органа исполнительной власти субъекта РФ, на территории которого ребенок или его родители (один из них) проживали до выезда за пределы территории РФ.

Как видим, названные условия обязывают проверять правильность применения не только российского, но и иностранного материального и процессуального законодательства при принятии решений о заключении/расторжении брака, что фактически означает *révision au fond*, а значит, позволяет отнести правила о при-

---

¹¹ По мнению А. А. Костина, аналогичные положения, определяющие порядок признания статуса, приобретенного в иностранном государстве, также устанавливаются ст. 162 СК РФ («Установление и оспаривание отцовства и материнства») (Костин 2018, 207).

знании, установленные семейным законодательством РФ, к числу коллизионных норм, что на наш взгляд не соответствует их сущности и назначению.

Во-вторых, требование ч. 4 ст. 165 СК РФ о признании действительным в Российской Федерации иностранного усыновления, произведенного компетентным органом иностранного государства, при условии получения предварительного разрешения органа исполнительной власти субъекта РФ, является одновременно и дополнительным процессуальным основанием для отказа в признании соответствующего иностранного решения, которое не нашло закрепления в ст. 412 ГПК РФ.

В-третьих, российское процессуальное законодательство четко определяет субъекта, наделенного полномочием признавать иностранные судебные решения или отказывать в их признании и приведении в исполнение, в то время как приведенные положения семейного законодательства РФ адресованы широкому кругу должностных лиц, в чьи обязанности входит оценка семейно-правовых статусов обратившихся. Помимо судей, к их числу относятся нотариусы, сотрудники органов ЗАГС, МВД и др.

В-четвертых, решения иностранных судов, которые не требуют принудительного исполнения, признаются без какого-либо дальнейшего производства, если со стороны заинтересованного лица не поступят возражения относительно этого в течение одного месяца с момента, когда ему стало известно о решении иностранного суда (ч. 1, 2 ст. 413 ГПК РФ). Однако семейно-правовые статусы, приобретенные в иностранном государстве в рамках административных процедур, потенциально бесконечно могут вызывать возражения.

Наконец, правила признания, содержащиеся в семейном законодательстве РФ и воспринимаемые как правила выбора права, позволяют не только рассматривать иностранные правоприменительные решения на предмет соответствия собственным коллизионным и материальным нормам и нормам иностранного государства или оценивать саму фактическую ситуацию, но и применять в соответствующих случаях ст. 167 СК РФ и ст. 1192 Гражданского кодекса РФ (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ. И хотя на фоне растущего количества правовых позиций судов по вопросам применения норм международного частного права данные положения при разрешении российскими судами трансграничных семейных споров мало востребованы (Войтович 2020, 38), их применение в вопросах признания вызывает сомнения.

Таким образом, несогласованность положений ГПК и СК РФ, предусматривающих две различные процедуры признания, возможность полной ревизии решений иностранных административных органов о заключении и расторжении брака, а в отдельных случаях и об усыновлении, не требующем судебных процедур, приводит к выводу об отсутствии в российском праве специального механизма признания решений иностранных компетентных органов по вопросам семейно-правового статуса лица. Очевидно, что законодателю следует стремиться к разработке единообразной процедуры признания иностранных решений (судебных и административных), которая «не только не нуждается в коллизионном контроле, но и не использует коллизионные механизмы для оправдания ограничения признания» (Mankowski 2020, 328).

Соблюдение иностранного законодательства при совершении акта, подтвержденного решением административного органа, должно презюмироваться, поскольку

ку подобные решения принимаются в соответствии с требованиями материального и процессуального права, подлежат строгим процессуальным гарантиям и имеют обязательную силу для сторон. Поэтому требование о соблюдении иностранного законодательства в качестве условия признания иностранных административных актов в РФ является избыточным. Существующий же риск принятия взаимоисключающих административных решений следует минимизировать за счет механизма, предусмотренного для судебных решений (Lehmann 2020, 26–27).

2.4.2. Признание иностранных официальных документов в Российской Федерации

Нормативную основу признания иностранных официальных документов в Российской Федерации составляют международные договоры, в том числе Гаагская конвенция 1961 г., отменяющая требование легализации иностранных официальных документов, Консульский устав РФ от 05.07.2010 № 154-ФЗ, Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния», Административный регламент предоставления государственной услуги по государственной регистрации актов гражданского состояния органами, осуществляющими государственную регистрацию актов гражданского состояния на территории РФ, утв. Приказом Министерства юстиции РФ от 28.12.2018 № 307, Административный регламент Министерства иностранных дел РФ по предоставлению государственной услуги по консульской легализации документов, утв. Приказом Министерства иностранных дел РФ 18.06.2012 № 9470, и др.

Особую озабоченность в свете «хромающих» отношений вызывают отдельные основания для отказа в легализации иностранных документов в Российской Федерации. Так, консульской легализации не подлежат иностранные официальные документы, которые противоречат законодательству РФ или содержание которых может нанести вред интересам РФ (ст. 27 Консульского устава РФ); консульские учреждения отказывают в приеме иностранных официальных документов, составленных с участием должностных лиц компетентных органов государства пребывания для представления в компетентные органы РФ, если документы противоречат законодательству РФ или их содержание может нанести вред интересам РФ (п. 25 Административного регламента МИД РФ № 9470).

Ввиду неопределенности содержания данных положений довольно сложно ответить на вопрос о том, противоречит ли российскому законодательству иностранный документ о заключении брака несовершеннолетним, об изменении в иностранном государстве имени, способно ли нанести вред интересам РФ содержание документа о рождении ребенка с указанием «родитель один» и «родитель два». Вполне очевидно, что в нормах используются слова и выражения, содержание которых может определяться в зависимости от усмотрения лиц, в должностные обязанности которых входит оценка представленных иностранных документов; используемая правовая терминология отлична от сложившейся.

Кроме того, в вышеуказанных положениях реализован иной подход, не требующий проверки правильности применения норм иностранного законодательства, в том числе его коллизионных предписаний, при выдаче документов, подтверждающих те или иные правовые статусы. Таким образом, признание иностранных

официальных документов о заключении/расторжении брака, изменении имени/фамилии и др. требует лишь проверки на соответствие российскому законодательству, в то время как процедура заключения/расторжения брака, усыновления предусматривает ревизию иностранных и отечественных норм.

Отдельного внимания заслуживает признание иностранных документов, не относящихся к судебным или административным актам, но выданных в подтверждение тех или иных жизненных обстоятельств. Такие документы могут не иметь какого-либо юридического соответствия в государстве пребывания или не получать признания *per se* даже при наличии легализации. В таких случаях возникает вопрос их правового эффекта, подлинности и доказательственного значения. В зарубежной юриспруденции предлагаются два варианта его решения: установление действительности совершенного за границей юридического факта посредством применения норм международного частного права; признание документа и юридических последствий совершенного юридического акта. Иными словами, в первом случае признание обстоятельств происходит на основе коллизионных норм принимающего государства, во втором — благодаря признанию ситуации, подтвержденной документом, законность выдачи которого не оспаривается (Basedow et al. 2017, 1476).

Безусловно, выбор варианта зависит от правоприменителя. В то же время следует помнить, что вопросы признания относятся к области международного гражданского процесса, где запрет *révision au fond* представляет собой общепризнанную норму. В этом направлении следует развиваться не только доктрине международного частного права, но и практике.

3. Выводы

Проблема «хромающих» отношений долгое время остается в числе сложнейших проблем, не нашедших своего решения. Следствием ее нерешенности являются сомнения в наличии у лица статуса (супруга, родителя, усыновителя и др.) или действительности совершенного за границей юридического акта (заключения брака, изменения имени и др.). Практическая юриспруденция, столкнувшись с «хромающими» отношениями, сегодня ставит перед международным частным правом вопросы, которые не имеют однозначного ответа: признается ли в другой стране религиозный брак, действителен ли развод, является ли лицо родителем? Решение этих и подобных вопросов оказывает влияние не только на семейно-правовое положение. Признание статуса лица, приобретенного за границей, имеет решающее значение в контексте миграции. Так, право на воссоединение семьи зависит от доказательств брака и родительства, защита ребенка — от идентификации членов его семьи. Мигранты регулярно сталкиваются с невозможностью представить документ, подтверждающий семейный статус, ввиду его утраты или отсутствия требований к обязательной выдаче документов иностранной юрисдикцией.

Задача международного частного права в этих условиях видится в обеспечении пространственной непрерывности семейных связей лица и его идентичности, неизменности и стабильности статуса участника трансграничных отношений, что отражено в результатах международного правосудия, продемонстрировавшего отдельные примеры замещения национальных коллизионных предписаний призна-

нием, которое предлагается рассматривать в качестве не только методологического подхода, но и дополнительного способа устранения «хромяющих» отношений.

Объектами признания выступают не только иностранные судебные решения, но и иностранные административные процедуры и решения, иностранные документы, традиция признания правового эффекта за которыми ограничивает их действие пределами государства происхождения. Современное международное частное право раздвигает эти границы, предлагая «импортировать готовые результаты для достижения согласованности решений» (Mankowski 2020, 329).

Признание, являясь областью международного гражданского процесса, основывается на принципе *révision au fond*, а значит, не нуждается в коллизионных средствах последующего контроля за иностранными административными процедурами и решениями, которые были приняты в ходе их осуществления. Этому же принципу следует придерживаться при оценке иностранных документов, в том числе не относящихся к официальным.

Российское законодательство нуждается в ревизии норм о признании семейно-правовых статусов и иностранных документов, которые их подтверждают. Поиск правовой модели должен учитывать требования ее единообразия, определенности и непротиворечивости.

Библиография

- Анцух, Наталья С. 2015. *Сравнительное и международное семейное право*. Минск: Четыре четверти.
- Асосков, Антон В. 2017. *Основы коллизионного права*. Дата обращения 20 декабря, 2020. <https://m-lawbooks.ru/wp-content/uploads/2017/08/kniga-028-Kollizionnoe-pravo1.pdf>.
- Веселкова, Евгения Е. 2014. «Коллизионные проблемы заключения и расторжения брака». *Законодательство и экономика* 8: 66–71.
- Войтович, Елена П. 2020. «Оговорка о публичном порядке как основание отказа в применении иностранного семейного права». *Право. Журнал высшей школы экономики* 3: 25–43.
- Дмитриева, Галина К. 2016. «Теоретические аспекты сближения международного частного права разных государств». *Унификация и гармонизация в международном частном праве. Вопросы теории и практики*, 9–77. М.: Норма: ИНФРА-М.
- Звеков, Виктор П. 2007. *Коллизии законов в международном частном праве*. М.: Волтерс Клувер.
- Костин, Александр А. 2018. «К вопросу об обязанности государства обеспечить признание и исполнение иностранных судебных решений: взгляд Европейского суда по правам человека на данную проблему». *Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека*. Вып. 4: *Роль прецедента в толковании Европейской конвенции по правам человека*, 188–215. М.: Развитие правовых систем.
- Лунц, Лазарь А. 2002. *Курс международного частного права*. М.: Спарк.
- Малкин, Олег Ю. 2009. *Коллизионное регулирование семейных отношений*. М.: Современный гуманитарный университет.
- Марышева, Наталия И. 2007. *Семейные отношения с участием иностранцев: правовое регулирование в России*. М.: Волтерс Клувер.
- Тихиня, Валерий Г. 2014. «Коллизионные нормы в международном частном праве: общий взгляд на проблему». *Актуальные проблемы гражданского права* 2 (4): 59–67.
- Толстых, Владислав Л. 2002. *Коллизионное регулирование в международном частном праве: проблемы толкования и применения раздела VII части третьей ГК РФ*. М.: Спарк.
- Basedow, Jürgen, Giesela Rühl, Franco Ferrari, Pedro De Miguel Asensio. 2017. *Encyclopedia of Private International Law*. In 4 vols, vol. 2: *Entries I–Z*. Cheltenham; Northampton, MA: Edward Elgar Publ.
- Bornheim, Jan J. 2013. “Same-sex marriages in Canadian private international law”. *Alberta Law Review* 51 (1): 77–100.

- Cohn, Ernst J. 1969. "Benefits of a limping marriage". *The Modern Law Review* 32 (5): 577–579. Дата обращения 15 февраля, 2021. <https://www.jstor.org/stable/1094251?seq=1>.
- De la Rosa, Gloria E. 2015. "Cultural diversity and European private international law". *Journal of Civil and Legal Sciences* 4 (2): 149. Дата обращения 28 декабря, 2022. <https://www.omicsonline.org/open-access/cultural-diversity-and-european-private-international-law-2169-0170-1000149.pdf>.
- Lehmann, Matthias. 2008. "What's in a name? Grunkin-Paul and beyond". *Yearbook of Private International Law* 10: 135–164.
- Lehmann, Matthias. 2011. *From conflict of laws to global justice*. New York: Columbia University. Дата обращения 10 августа, 2020. <https://core.ac.uk/download/pdf/161437523.pdf>.
- Lehmann, Matthias. 2020. "Regulation, global governance and private international law: Squaring the triangle". *Journal of Private International Law* 16: 1–30.
- Mankowski, Peter. 2020. "Nun sag, wie hast Du's mit dem Anerkennungsprinzip? — Im EU-Ausland 'unrechtmäßig' erlangte Namen als Prüfstein". *Praxis des Internationalen Privat-und Verfahrensrechts* 4: 323–329.
- Melcher, Martina. 2013. "(Mutual) recognition of registered relationships via EU Private International Law". *Journal of Private International Law* 9 (1): 149–170.
- Muir Watt, Horatia. 2013. "Fundamental rights and recognition in private international law". *Journal européen des droits de l'homme* 3: 411–434.
- Prosser, William L. 1953. "Interstate publication". *Michigan Law Review* 51 (7): 959–1000. Дата обращения 25 сентября, 2020. <https://www.jstor.org/stable/1285173>.
- Schreiber, Ernst O. 1918. "The doctrine of the Renvoi in Anglo-American law". *Harvard Law Review* 31 (4): 523–571. Дата обращения 20 февраля, 2021. <https://www.jstor.org/stable/1327886>.
- Schuz, Rhona G. 1994. "Conflicts between choice of law rules and recognition of judgements rules in Private International Law with particular references to cases involving determination of status". PhD Thesis in Law, London School of Economics and Political Science.

Статья поступила в редакцию 12 июня 2021 г.;
рекомендована к печати 28 октября 2022 г.

Контактная информация:

Войтович Елена Павловна — канд. юрид. наук, доц.; voytovich-ep@ranepa.ru

Limping relationships in international family law

E. P. Voytovich

Siberian Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
6, ul. Nizhegorodskaya, Novosibirsk, 630102, Russian Federation

For citation: Voytovich, Elena P. 2023. "Limping relationships in international family law". *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 1: 211–226. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2023.113> (In Russian)

The article examines a legal phenomenon that has not received a generalized legal characteristic, its research in international family law is fragmentary. The reasons for the "lame" relationships are analyzed: differences in conflict of laws regulation, incorrect application of conflict of laws rules, discrepancy between substantive regulations, conflict of jurisdictions; it is concluded that "lame" relationships are the result of the interaction of conflict of laws, substantive and procedural norms, leading to an undesirable legal effect. The author expresses doubts about the effectiveness of such a method of eliminating "lame" relationships as the convergence of legal systems, suggesting to pay attention to the competing traditional conflict tools and the opposite methodological approach — recognition, the potential of which is underestimated and insufficiently studied. Recognition is seen not as an alternative to conflict method, but

as an additional way to overcome “lame” relationships. Replacement of national conflict of laws rules in cross-border family disputes is illustrated by the practice of the European Court of Human Rights and the Court of Justice of the European Union. Attention is drawn to the existing models of recognition in common law countries and continental legal tradition, the legal nature and place of the norms of Russian family legislation on recognition are analyzed. The mechanism of recognition of foreign administrative procedures and decisions, foreign documents in the Russian Federation is assessed. The author comes to the conclusion that implementation in domestic law of various approaches to the recognition of foreign court decisions, administrative procedures and documents issued by the competent authorities of foreign states, proposing to unify them within the framework of a uniform recognition procedure that excludes uncertainty and internal contradictions.

Keywords: conflict of laws, unification, recognition, legalization, status, private international law.

References

- Antsukh, Natallia S. 2015. *Comparative and international family law*. Minsk, Chetyre chetverti Publ. (In Russian)
- Asoskov, Anton V. 2017. *Conflict of law basics*. Accessed December 20, 2020. <https://m-lawbooks.ru/wp-content/uploads/2017/08/kniga-028-Kollizionnoe-pravo1.pdf>. (In Russian)
- Basedow, Jürgen, Giesela Rühl, Franco Ferrari, Pedro De Miguel Asensio. 2017. *Encyclopedia of Private International Law*. In 4 vols, vol. 2: *Entries I–Z*. Cheltenham; Northampton, MA, Edward Elgar Publ.
- Bornheim, Jan J. 2013. “Same-sex marriages in Canadian private international law”. *Alberta Law Review* 51 (1): 77–100.
- Cohn, Ernst. J. 1969. “Benefits of a limping marriage”. *The Modern Law Review* 32 (5): 577–579. Accessed February 15, 2021. <https://www.jstor.org/stable/1094251?seq=1>.
- De la Rosa, Gloria. E. 2015. “Cultural diversity and European private international law”. *Journal of Civil and Legal Sciences* 4 (2): 149. Accessed December 28, 2022. <https://www.omicsonline.org/open-access/cultural-diversity-and-european-private-international-law-2169-0170-1000149.pdf>.
- Dmitrieva, Galina K. 2016. “Theoretical aspects of the convergence of private international law of different states”. *Unifikatsiia i garmonizatsiia v mezhdunarodnom chastnom prave. Voprosy teorii i praktiki*, 9–77. Moscow, Norma Publ.; INFRA-M Publ. (In Russian)
- Kostin, Aleksandr A. 2018. “On the state’s obligation to ensure the recognition and enforcement of foreign judgments: A view of the European Court of Human Rights on this problem”. *Rossiiskii ezhegodnik Evropeiskoi konventsii po pravam cheloveka*. Iss. 4: *Roľ’ pretsedenta v tolkovanii Evropeiskoi konventsii po pravam cheloveka*, 188–215. Moscow, Razvitie pravovykh system Publ. (In Russian)
- Lehmann, Matthias. 2008. “What’s in a name? Grunkin-Paul and beyond”. *Yearbook of Private International Law* 10: 135–164.
- Lehmann, Matthias. 2011. *From conflict of laws to global justice*. New York, Columbia University. Accessed August 10, 2020. <https://core.ac.uk/download/pdf/161437523.pdf>.
- Lehmann, Matthias. 2020. “Regulation, global governance and private international law: Squaring the triangle”. *Journal of Private International Law* 16: 1–30.
- Lunts, Lazar A. 2002. *Private international law course*. Moscow, Spark Publ. (In Russian)
- Malkin, Oleg Iu. 2009. *Conflict of laws regulation of family relations*. Moscow, Sovremennyi gumanitarnyi universitet Publ. (In Russian)
- Mankowski, Peter. 2020. “Nun sag, wie hast Du’s mit dem Anerkennungsprinzip? — Im EU-Ausland ‘unrechtmäßig’ erlangte Namen als Prüfstein”. *Praxis des Internationalen Privat-und Verfahrensrechts* 4: 323–329.
- Marysheva, Nataliia I. 2007. *Family relations with the participation of foreigners: Legal regulation in Russia*. Moscow, Wolters Kluwer Publ. (In Russian)
- Melcher, Martina. 2013. “(Mutual) recognition of registered relationships via EU private international law”. *Journal of Private International Law* 9 (1): 149–170.

- Muir Watt, Horatia. 2013. "Fundamental rights and recognition in private international law". *Journal européen des droits de l'homme* 3: 411–434.
- Prosser, William L. 1953. "Interstate publication". *Michigan Law Review* 51 (7): 959–1000. Accessed September 25, 2020. <https://www.jstor.org/stable/1285173>.
- Schreiber, Ernst O. 1918. "The doctrine of the Renvoi in Anglo-American law". *Harvard Law Review* 31 (4): 523–571. Accessed February 20, 2021. <https://www.jstor.org/stable/1327886>.
- Schuz, Rhona G. 1994. "Conflicts between choice of law rules and recognition of judgements rules in Private International Law with particular references to cases involving determination of status". PhD Thesis in Law, London School of Economics and Political Science.
- Tikhinia, Valerii G. 2014. "Conflict of laws rules in private international law: A general view of the problem". *Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava* 2 (4): 59–67. (In Russian)
- Tolstykh, Vladislav L. 2002. *Conflict of laws regulation in private international law: Problems of interpretation and application of section VII of part three of the Civil Code of the Russian Federation*. Moscow, Spark Publ. (In Russian)
- Veselkova, Evgeniia E. 2014. "Conflict of laws problems of marriage and divorce". *Zakonodatel'stvo i ekonomika* 8: 66–71. (In Russian)
- Voitovich, Elena P. 2020. "The public order reservation to applying foreign family law". *Pravo. Zhurnal vyshei shkoly ekonomiki* 3: 25–43. (In Russian)
- Zvekov, Viktor P. 2007. *Conflicts of laws in private international law*. Moscow, Wolters Kluwer Publ. (In Russian)

Received: June 12, 2021
Accepted: October 28, 2022

Author's information:

Elena P. Voytovich — Dr. Sci. in Law, Associate Professor; voytovich-ep@ranepa.ru